

Источник: официальный сайт Задорнова М.Н.

Из выступления Михаила Задорнова
на передаче «Дежурный по стране»:

- Мне бы очень не хотелось, чтобы, глядя на
меня, люди, которые читали книги моего отца,
вспоминали поговорку: «Природа на детях отдыхает»

ЦИТАТА ИЗ БОЛЬШОЙ РОССИЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

Николай Павлович Задорнов. Выдающийся советский писатель (1909 – 1992). Работал актером и режиссером в театрах Сибири и Дальнего Востока.

Его перу принадлежат несколько циклов исторических романов. Множество очерков, статей и рассказов. Романы Николая Задорнова переведены на многие языки мира.

Лауреат Сталинской премии (1952 г .) Награжден орденами и медалями.

Отец М.Задорнова, российского писателя-юмориста.

ЦИТАТА ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

Задорнов поднял пласты истории народов не известных до сих пор цивилизации. Он красочно изобразил их быт, с глубоким знанием рассказал о нравах, привычках и семейных спорах, несчастьях, житейских неурядицах, о тяге к русскому языку, русским обрядам и образу жизни.

Его Роман «Амур-батюшка», ставший на его Родине классикой, переведен на многие языки. Несмотря на то, что в его произведениях нет партийной темы, писатель был удостоен высочайшей послевоенной награды СССР – Сталинской премии. Это беспрецедентный случай в советской литературе.

ЦИТАТА ИЗ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

Без исторических романов Н.Задорнова нельзя иметь полного представления о развитии истории России и российской литературы.

Ортодоксальные критики-марксисты часто выступали с резкими оценками в адрес романов, считали их аполитичными, лишенными партийного взгляда на литературу. Действительно, творчество писателя не вмещается в «прокрустово ложе» социалистического реализма – основополагающего метода литературы советского периода.

В напряженное действие его книг включены сотни исторических лиц. Рядом с Невельским и Муравьевым – губернатор Камчатки Завойко, английский адмирал Прайс, адмирал Путятин, писатель Гончаров, канцлер Нессельроде, император Николай I, известный мореплаватель Воин Андреевич Римский-Корсаков, японский дипломат Кавадзи и другие. В его произведениях – ожившая история.

Три книги писателя «Цунами», «Хэда», «Симода» были изданы в Японии, что свидетельствует о правдивости рассказанной в этих книгах истории жизни русских моряков в еще закрытой и опасной для иностранцев Японии.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА К РОМАНАМ НИКОЛАЯ ЗАДОРНОВА

«Цунами», «Хэда», «Симода», «Гонконг» и «Владычица морей»

Более чем двести лет Япония была закрытой страной. Поэтому кораблей у неё не было. Рыбакам разрешалось иметь небольшие лодки и уходить от берега лишь в пределах видимости. А любого иностранца, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должны были казнить.

Как случилось, что более чем восьмистам русским морякам и офицерам после кораблекрушения высочайшие власти Японии позволили в период самых жестких самурайских законов почти год прожить в прибрежных деревнях? Какие необычайные, романтические, приключенческие, шпионские, дипломатические истории завязались в результате? Эту невероятную, но достоверную историю отец описал в своей «русской Одиссее» настолько точно, что его романы были изданы даже в Японии.

Большинство историков в мире сегодня уверены, что законсервированную Японию впервые «распечатала» американская «дипломатия»: военная эскадра подошла к японским берегам, навела пушки, пригрозила... Японцы с испугу пустили их на свою землю, а потом, как в голливудских фильмах, американцы очень понравились японцам своим ростом, красивой военной формой, кока-колой и «Мальборо»... О тех событиях даже написана известная опера-мелодрама «Мадам Баттерфляй».

Недавно мне довелось разговаривать с одним высокопоставленным чиновником из российского МИДа. Даже он не знал, что «открытие» Японии произошло не по воле американской пушечной дипломатии, а благодаря дружелюбию и культуре русских моряков и офицеров. Недаром в японской деревне Хэда в наше время есть музей, открытый японцами в память о тех реальных событиях, после которых впервые открылся их железный самурайский занавес. В этом музее, в центральном просторном зале выставлен первый японский быстроходный парусный корабль, который был построен на японской земле с помощью российских офицеров в тот год.

Я был в этой деревне. Одна пожилая японка с гордостью поведала мне о том, что до сих пор в их деревне порой рождаются голубоглазые японские дети.

Сегодня, когда до сих пор не подписан мирный договор России с Японией, а дети в Японских школах благодаря американским фильмам думают, что даже атомные бомбы на их города сбросили русские, романы отца как никогда ко времени!

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА К РОМАНАМ

«Капитан Невельской» и «Война за океан».

Отец считал, что многие русские ученые и путешественники, сделавшие в истории величайшие открытия, несправедливо забыты. И ему хотелось привлечь внимание своими романами к тем событиям в российской истории, о которых не любят теперь упоминать на Западе, где историки считают, что все главное в мире происходило по европейской указке.

Например, во время русско-турецкой войны, побеждая русскую армию в Крыму и на Черном море, союзные войска французов и англичан решили сделать своими колониями Камчатку и российское Приморье, отняв их у России. Африки и Индии им казалось недостаточно. Союзническая военная эскадра подошла к берегам российского Дальнего Востока. Однако горстка русских казаков с помощью крестьян-переселенцев без всяких указов из Петербурга так разгромила ненасытных колонизаторов, что европейские западные историки навсегда вычеркнули это сражение из своей летописи. А поскольку в Министерстве иностранных дел России при царях работали французы и немцы, то не упоминалось об этих дальневосточных битвах и в России.

Такая победа стала возможна не только благодаря героизму русских солдат и офицеров, но и тем географическим открытиям, которые за несколько лет до русско-турецкой войны сделал один из достойнейших российских офицеров – капитан Невельской. Он практически вывел Россию к берегам Тихого океана, уточнил неверные карты, которыми пользовались на Западе, доказал, что Сахалин – остров, а Амур не менее полноводная река, чем Амазонка! Отец не был партийным. Он был слишком романтиком, чтобы жить в неромантическом партийном настоящем. Он жил в мечтах о нашем благородном прошлом. В его романах, как на широкоформатной сцене, участвуют сразу и цари, и офицеры, и моряки, и переселенцы... Казаки и декабристы... Их жены и любимые... Несмотря на явно приключенческие сюжеты романов с невероятными, порой даже романтическими ситуациями, отец оставался всегда исторически достоверным. Если бы он был юмористом, я бы посоветовал его романы печатать под рубрикой «Нарочно не придумаешь».

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ, ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ — Н.ЗАДОРНОВА (1985г.)

Ещё с ранних лет произвел на меня сильное впечатление Владивосток, в котором мне пришлось побывать. Впервые в жизни я увидел море, поезд, пройдя ночью туннелями под городом, остановился у последнего вокзала России. Толпы китайских кули окружили каждый вагон, предлагая свои услуги. Ночь была жаркая, южная. За вагонами, по другую сторону вокзала, виднелись просторные склады, а за ними возвышались громады стоявших где-то рядом океанских кораблей. Тогда Владивосток был транзитным портом и перерабатывал большое количество зарубежных грузов. Первый английский моряк, в котором я готов был видеть героя из книг морских романистов, замахнулся на меня бутылкой, когда в кафе я обратился к нему с дружественной фразой, тронув за плечо. Это был мой первый урок практики английского языка. В то время и в той среде за плечо зря не трогали. Это были не литературные герои. Город с его шумной жизнью портом, театрами русскими и китайскими, с живописными бухтами, произвел на меня такое впечатление, что моя голова на всю жизнь оказалась повернутой в сторону Тихого океана.

* * *

Когда мы с женой переехали в Комсомольск-на-Амуре, то, что было вокруг меня, оказалось значительно интереснее загримированных актеров с приклеенными бородами и театральными декораций. Ночами я видел настоящую луну, а не картонную.

* * *

Ходил я по тайге пешком, и на лодках, и на катерах, сам по себе и от редакции городской газеты, для которой писал очерки. Научился править парусом в нанайской лодке, ходить на берестяной оморочке. Зимой и летом я бывал в нанайских стойбищах. Видел шаманство.

* * *

Я продолжал свои прогулки по тайге. Я не был охотником, но, как охотник, все шире и шире делал свои круги вокруг Комсомольска. Все мы историю Комсомольска начинали с первого дня высадки с пароходов его строителей. Что было раньше — никто не знал. Мне захотелось рассказать об этом.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ ЗАДОРНОВЫМ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ (1995 г.)

В ресторане Центрального дома литераторов в конце восьмидесятых годов – отец еще был жив – ко мне подошел маститый, я бы даже сказал, матерый советский писатель и спросил, не потомок ли я того Николая Задорнова, который писал такие интересные исторические

романы. Я ответил: «Да, потомок. Точнее сын. Ведь сын – это потомок». Он удивился: «Как, разве Николай Задорнов жил не в девятнадцатом веке?»

Я понимаю, почему так об отце думали маститые и матерые советские писатели. Он никогда не принимал участие в борьбе между писательскими группировками, не подписывался ни под какими воззваниями, не дружил с кем-то против кого-то, чтобы засветить себя в правильном списке. Его имя только однажды упомянули в некрологе, когда умер Александр Фадеев. Отец рассказывал, что потом ему звонили друзья и поздравляли с небывалым успехом. Ведь возглавляли список подписавшихся под некрологом члены ЦК! Но самое главное, отец практически не бывал в ресторане ЦДЛ! А тех, кого там не видели, считали жившими в прошлом веке. Это ли не комплимент достоверности его романов!

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА К РОМАНАМ

«Амур-батюшка» и «Золотая лихорадка».

Мы с увлечением в юности читаем Фенимора Купера, Майн Рида... Романтика завоевания новых земель! Но ведь все это было и у нас. С одним только отличием: наши предки, осваивая новые земли, приходили не с оружием в руках, а с верой и любовью. Они старались обратить аборигенов в православную веру, не истребляя их и не сгоняя в резервации. Мой отец в шутку называл нивхов, нанайцев и удэгейцев – «наши индейцы». Только менее пропираренные и раскрученные, чем могикане или ирокезы.

Когда отец с мамой поженились, на них пошли доносы в НКВД. В частности от бывшего маминого мужа. И тогда они сделали то, на что немногие были способны. Уехали как можно дальше от «бесовского», живущего доносами, центра. И куда? В Комсомольск-на-Амуре! Как бы предвосхищая анекдот той эпохи: дальше Комсомольска все равно уже ссылать некуда. Отец возглавил литературный отдел в местном театре. Был помощником режиссера. Хотя не имел режиссерского образования. Просто художественный руководитель театра угадал в отце способности наблюдать жизнь. А, когда кто-то из актеров заболел, ему поручали их заменять в эпизодах. Кстати, теперь перед входом в этот театр висит его мемориальная доска. Работая в театре, отец задумал написать роман о том, как задолго до строительства Комсомольска сюда пришли первые русские переселенцы. Роман романтический. В чем-то — приключенческий. В традициях Майн Рида, Фенимора Купера и Вальтера Скотта...

Из статьи писателя Г.В.Гузенко(1999 г.):

- «Роман «Амур-батюшка» Николай Задорнов написал таким чистым и в то же время образным русским языком, что его необходимо включить в программу средней школы».

В юности «Амур-батюшка» был моим любимым романом. Заканчивая читать его в очередной раз, у меня каждый раз складывалось ощущение, что наше будущее не менее уютно, чем жизнь у героев папиного романа. Я вообще люблю книги, в которых, как в гостях у друзей, где хочется задержаться подольше. Но больше всего меня вдохновляло то, что я родился между выходом романа в свет и присуждением Сталинской премии. Может поэтому, у меня и сложилась такая радостная жизнь, что родители «спроектировали» меня в самый радостный период своей жизни!

Книга была написана в Комсомольске-на-Амуре до войны. Когда отец привез рукопись в Москву, советские редакторы отказались её печатать, так как была востребована литература только откровенно героическая. Каким-то образом роман попал на стол к А.Фадееву. Фадеев прочитал, понял, что даже его советов издательство не послушает, хотя он был секретарем Союза писателей СССР. В надежде, что будет одобрено свыше, передал Сталину.

Шла война. Несмотря на это, «хозяин» приказал немедленно «Амур-батюшку» напечатать. Даже в издательстве были удивлены. В романе нет героев войны, секретарей обкомов, комиссаров, призывов: «За Родину! За Сталина!»...

Позже Фадеев по секрету рассказал моей маме, когда был у нас в гостях в Риге, что он ему сказал Сталин по поводу «Амур-батюшки»: «Задорнов показал, что эти земли исконно наши. Что они осваивались трудовым человеком, а не были завоеваны. Молодец! Нам в наших будущих отношениях с Китаем его книги очень пригодятся. Надо издать и отметить!».

Позже, когда Сталинскую премию переименовали в Государственную, отец продолжал называть себя гордо лауреатом именно Сталинской премии. Почему? Да потому, что Государственные премии уже раздавались направо и налево. Продавались чиновниками за взятки. Чтобы получить эту премию в 80-е или 90-е годы, надо было не написать талантливое произведение, а талантливо оформить документы и «правильно» подать их в комитет по присуждению премий.

Помню один из советских писателей-монстров, тоже будучи у нас в гостях в Риге, хвастался только что полученной премией из рук самого Брежнева. А потом его жена на прогулке по пляжу пожаловалась моей маме: «Я столько здоровья потеряла, пока мы ему эту премию пробили. Столько денег на подарки ушло, серьги бабушкины, и те заложила!»

Отец не хотел считать себя лауреатом выхлопотанной — «пробитой» — премией. А Сталинскую премию невозможно было «выбить» у «хозяина». Свое лауреатство отец не стал переименовывать в угоду времени. Ему некого было бояться. Он был беспартийным. За эту, по тем временам, «аморалку» его даже из партии не могли выгнать!

Один из его заветов, данных мне, еще когда я учился в институте: «Не вступай в партию, как бы ни заманивали — дабы не было откуда выгнать. Вступишь — станешь рабом. Оставайся свободным. Это выше всех званий и титулов».

ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ С МИХАИЛОМ ЗАДОРНОВЫМ, В КОТОРЫХ ЕГО РАССПРАШИВАЛИ ОБ ОТЦЕ.

(1993 – 2006 г. г.)

Несмотря на присужденное «Самим» лауреатство, отец никогда, даже в период культа личности, не боготворил Сталина.

Я помню день, когда умер Сталин. Я сидел на горшке в нашей рижской квартире и смотрел в окно – большое, до самого пола. По улице, за окном, шли плачущие люди: латыши и русские – все в трауре. Плакали в Риге даже латыши. Приказали плакать, и плакали, дружно и интернационально. Я помню траурную Ригу, и как плакала моя старшая сестра. Ей было одиннадцать лет. Она ничего не понимала. Она плакала, потому что плакали учителя, прохожие... Ей жалко было не Сталина, а учителей и прохожих. В нашу с ней комнату пришел отец и сказал: «Не плачь, дочка, он сделал не так много хорошего». Сестра так удивилась папиным словам, что плакать тут же перестала. Задумалась. Я, естественно, ничего тогда не понимал, но мне так не хотелось, чтобы она плакала, что я начал в поддержку папиных слов доказывать ей и приводить примеры, почему Сталин не был хорошим дядей. Например, в Риге уже три месяца шел дождь. И меня не водили в песочницу. А ведь Сталин мог все! Почему же он о нас, детях, не подумал, которые тоже, как и я, хотели в песочницу!

Это был, между прочим, 53-й год! Ну не мог же он тогда предчувствовать, как быстро поменяются времена... Просто отец считал, что перед детьми надо быть честным.

* * *

Еще помню день, когда сообщили, что арестовали Берия. Мама с папой в тот вечер выпили вина за то, чтобы у нас, детей, была не такая страшная юность, как у них.

* * *

Мне было уже лет двенадцать. В школе нам стали внушать, что Советский Союз – самая хорошая страна в мире, и что в капиталистических странах живут не добрые люди, а глупые и нечестные. Отец позвал меня к себе в кабинет и сказал: «Ты имей в виду, что в школе

зачастую говорят не совсем правильно. Но так надо. Вырастешь – поймешь». Я тогда тоже очень расстроился. Отец лишал меня веры, что я родился в лучшей стране мира.

Отец никогда не навязывал нам, детям, своих взглядов в споре. Считал, что дети должны сами до всего дойти своим умом... Их только надо иногда какой-то мыслью зацепить, подключить, закинуть нужную мысль в складки мозга, как в нераспаханные, неудобренные грядки, в надежде, что когда-нибудь «зернышко» прорастет!

* * *

Главной комнатой, куда нам без разрешения не дозволялось входить, был его кабинет с библиотекой, глядя на которую я с ужасом думал, что столько книг мне не перечитать никогда в жизни. Книги он покупал не только для себя, для того, чтобы знать историю и литературу. Он видел, как мы с сестрой из любопытства вытаскивали иногда с полки какую-нибудь книжку или альбом, рассматривали картинки и пытались читать, не всегда понимая, что там написано. Эту библиотеку он собирал ради нас! Считал, что книги могут развить у ребенка интересы, которые защитят его в жизни от обывательской тяготины.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ЗАДОРНОВА (1985 г.)

К пятнадцати годам я уже прочел многие книги Гоголя, Пушкина, Тургенева, Загоскина, начинал читать военные сцены из "Войны и мира", по совету матери прочитал Пржевальского. В этом же году отец купил мне в кооперативном магазине "Книжное дело" только что появившуюся книгу В.Арсеньева "По Уссурийскому краю". К тому времени я перечитал много книг Майн Рида, Купера, авторов морских романов. Но уже тогда я понимал, что описание битвы за Белогорскую крепость — правдиво, а сражения с индейцами или пиратами, в которых у романистов запросто гибнут сотни и тысячи, лишь занимательная выдумка, преувеличение.

* * *

Однажды, когда мне было лет десять, он позвал меня в кабинет, показал, какую купил старинную книжку с удивительно красивыми картинками-гравюрами. Называлась книжка загадочно и романтично: «Фрегат "Паллада"». Слово "фрегат" отдавало чем-то настоящим, мужским, военным... Морские бои, паруса, загоревшие лица в шрамах и, конечно же, другие страны со своими романтическими опасностями. Паллада – наоборот – нечто изящное, величественное, гордое и неприступное. К тому времени я уже знал некоторые мифы. Паллада мне нравилась больше остальных греческих богов. В ней чувствовалось достоинство. Она никому не мстила, как Гера, не интриговала, как Афродита, и не жрала детей, как ее папаша Зевс.

С этого дня в течение года мы с папой раза два-три в неделю уединялись в его библиотеке,

где он читал мне вслух о кругосветном путешествии русских моряков, и на час-полтора отцовский кабинет становился нашим фрегатом: в Сингапуре нас окружали многочисленные джонки торговцев, в Кейптауне мы любовались Столовой горой, в Нагасаки к нам на борт приходили самураи, в Индийском океане наши моряки успели вовремя расстрелять из бортовых пушек надвигающийся столб смерча...

Из высказываний отца, когда мне было 11 лет.

- «Мастера и Маргариту» ты еще успеешь прочитать сам или заставит мода, как, впрочем, и «Доктора Живаго»... А мы с тобой будем читать «Мертвые души», «Дерсу Узала» и «Юрий Милославский»...

Конечно, с тех пор время изменилось. Новые биоритмы овладели новым поколением. Когда недавно в одном из московских детских домов я посоветовал детям прочитать «Фрегат "Палладу"», кто-то из детей спросил: "А там про гоблинов написано?"

Бедное поколение, оглушенное Голливудом, попсой и реалити-шоу. Сколько же недополучит оно в жизни счастливых моментов, если, слушая музыку из семи нот, слышит всего три?

* * *

Если б не отец... я был бы воспитан своим московским полутусовочным окружением на литературе модной и прожил бы печальную, а не радостную, хотя и модную, жизнь.

Из высказываний отца во время выступления перед моряками-дальневосточниками:

Я и теперь уверен, что театр должен быть с детства понятен и любим. Чтение режиссерами классики "по-новому" губит детей и юношество, вызывает в них отвращение, потому что мастера формальных переделок пьес не могут быть умней самих.

* * *

Папа любил гулять по берегу моря в Юрмале. Он мог остановиться на берегу и неподвижно наблюдать закат. Однажды на берегу реки он обратил мое внимание, как на закате затихают птицы и начинают стрекотать кузнечики. Он считал, что у людей, которые не слышат природу, удовольствия плоские, как музыка из трех нот: ресторан, тусовка, секс, казино, новая покупка... Ну, еще радостно, если сняли колеса с машины соседа или в офис к коллегам нагрянула налоговая.

Однажды одного из своих коллег-писателей в пять утра, после какой-то очередной ночной презентации я позвал на берег Балтийского моря в Юрмале полюбоваться восходом. Он смотрел на вырастающее над горизонтом солнце секунды три, потом сказал огорченно: "Знаешь, а у Галкина популярность не падает. Чем ты это объяснишь?" Я хорошо отношусь к Галкину, но думать о его популярности на восходе мне не хотелось. Я посмотрел на своего коллегу. Несчастный! Он никогда не сможет отличить уху, сваренную на костре с затушенной в ней головешкой, от рыбного супа из пакетика.

Отец знал истину: природа – это проявление Бога на Земле. Кто ее не чувствует, в том нет Веры!

* * *

Они с мамой воспитывали нас с сестрой как бы исподтишка, чтобы мы не догадались, что они нас воспитывают.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, на время студенческих каникул, вместо того, чтобы отпустить меня с любимой девушкой на лето в Одессу, отец отправил меня на два месяца работать в ботаническую экспедицию разнорабочим на Курильские острова. Теперь я понимаю, он хотел, чтобы я перелетел через весь Советский Союз, понял, увидев тайгу, острова, моря, океаны, что я все-таки живу в лучшей в мире стране.

Короткими замечаниями, как гомеопатическими дозами, папа пытался порой охладить во мне восторг, который я испытывал вместе с толпой, загипнотизированной прессой, и «мультишечными», как он говорил, революционерами!

Конец перестройки. Первый съезд депутатов. Горбачев, Сахаров... Крики на трибунах. Впервые, глядя на прямые репортажи из Дворца Съездов, мы почувствовали первые вздохи гласности и свободы слова. Увидели тех, кто впоследствии начал называть себя громким словом «демократы». Я смотрел телевизор, отец стоял за моей спиной, потом вдруг махнул рукой и полусказал:

- Что те были ворами, что эти... Только новые будут поумнее! А потому – украдут поболее!

- Папа, это же демократия!

- Не надо путать демократию со склокой.

Прошло совсем немного времени, и я, и все мои интеллигентные друзья теперь, рассуждая о наших политиках, говорят не демократы, а «так называемые демократы». Мол, не хочется пачкать слово «демократия».

* * *

В 1989 году, вернувшись из своих первых гастролой по Америке, я с восторгом рассказывал о своих впечатлениях в кругу семьи. Так обычно делал мой отец, возвращаясь из путешествий. Отец слушал мои восхищения со сдержанной улыбкой, не перебивая, и потом сказал только одну фразу: «Я смотрю, ты так ничего и не понял. Хотя дубленку привез хорошую!».

Я очень обиделся. За мою поездку, за совершенство Америки, за западную демократию, свободу, за то будущее, которое я рисовал в своем воображении для России. Мы поссорились. Отец не мог мне объяснить, что он имел в виду. Или я просто не хотел его понимать. Я ведь уже был звездой! На мои выступления собирались тысячи зрителей. Правда, я запомнил его слова, которые он сказал, чтобы закончить наш спор: «Ладно, не будем ссориться. Ты еще, наверное, не раз на Западе побываешь. Но когда меня не будет, помни, все не так просто! Жизнь – не черно-белое телевидение».

Как будто он знал тогда, что через пять лет я кардинально поменяю свое мнение об Америке.

* * *

Мне иногда кажется, что родители уходят из жизни для того, чтобы дети начали все-таки прислушиваться к их советам. Сколько моих знакомых и друзей вспоминают теперь советы своих родителей, уже после их смерти.

После ухода отца из жизни я стал его послушным сыном!

* * *

Сейчас, когда отца нет, я все чаще вспоминаю наши ссоры. Я благодарен ему прежде всего за то, что он не был обывателем. Ни коммунисты, ни «демократы», ни журналисты, ни политики, ни Запад, ни писательская тусовка не могли заставить его думать так, как принято. Он никогда не был коммунистом, но и не попадал под влияние диссидентов.

Только мы, его самые близкие, знали, что он верит в бога. У него была в тайнике иконка, оставшаяся от мамы. И ее крестик. Незадолго до смерти, понимая, что он скоро уйдет из жизни, он перекрестил меня, некрещеного, давая этим понять, что когда-нибудь мне тоже надо креститься.

А диссидентов он считал предателями. Убеждал меня, что их скоро всех забудут. Только стоит измениться обстановке в мире. Я «инакомыслящих» защищал со всей прытью молодости. Отец пытался переубедить меня:

- Как ты можешь попадаться на эти «фиги в кармане»? Все эти «революционеры», о которых так трезвонит сегодня Запад, корчат из себя смельчаков, а на самом деле, они идут

театрально, с открытой грудью на амбразуру, в которой давно нет пулемета.

- Как ты можешь, папа, так говорить? Твой отец в 37 году умер в тюрьме и даже неизвестно, где его могила. Мамины родители пострадали от советской власти, потому что были дворянского происхождения. Мама не смогла толком доучиться. После того, как ты написал романы о Японии, за тобой ведется слежка. В КГБ тебя считают чуть ли не японским шпионом. А эти люди уехали из страны именно от подобного унижения!

Отец чаще всего не отвечал на мои пылкие выпады, словно не уверен был, что я дозрел в сорок с лишним лет, до его понимания происходящего. Но однажды он решился:

- КГБ, НКВД... С одной стороны, ты, конечно, все правильно говоришь. Но все не так просто. Везде есть разные люди. И, между прочим, если бы не КГБ, ты бы никогда не побывал в той же Америке. Ведь кто-то же из них разрешил тебе выехать, подписал бумаги. Я вообще думаю, что там у нас наверху есть кто-то очень умный, и тебя специально выпустили в Америку, чтобы ты что-то заметил такое, чего другие заметить не могут. А насчет диссидентов и эмигрантов... имей в виду, большинство из них уехало не от КГБ, а от МВД! И не диссиденты они, а... жулики! И помани мое слово, как только им будет выгодно вернуться – они все побегут обратно. Америка от них еще вздрогнет. Сами не рады будут, что уговаривали советское правительство отпустить к ним этих «революционеров». Так что все не так просто, сын! Когда-нибудь ты это поймешь, – Отец снова ненадолго задумался и как бы не добавил, а подчеркнул сказанное, — Скорее всего, поймешь. А если и не поймешь, ничего страшного. Дураком тоже можно прожить вполне порядочную жизнь. Тем более, с такой популярностью, как у тебя! Ну, будешь популярным дураком. Тоже не плохо. За это, кстати, в любом обществе хорошо платят!

Естественно, что после такого разговора мы снова поссорились.

У папы не было технического образования. Он не мог с математической точностью определить формулу сегодняшнего дурака. Он был писателем.

Недавно мне довелось разговаривать с одним мудрым человеком. В прошлом ученым-математиком. Теперь он философ. Как модно говорить нынче – «продвинутый». Он объяснял мне свою философию: большинство людей в мире воспринимают жизнь как двухполярное измерение. На самом деле жизнь многополярна. Многополярное устройство мира лежит в основе всех восточных учений и религий. Жизнь человека не есть колебания электрического тока между плюсом и минусом. Плюс и минус, на которые опирается западно-голливудская философия, в конце концов приводят к короткому замыканию.

Все, что мне объяснял современный философ, наверняка было точно с математической точки зрения, но мудро для простого двухполярного обывателя. А главное, все это я знал давно от отца, который не пользовал в своей речи таких мудреных слов, как многополярные системы. Он пытался очень доходчиво мне объяснить, что «все не так просто». Не все делится на «плюс» и «минус».

Как бы я хотел, чтобы сегодня отец слышал, что я все-таки начал прислушиваться к его словам и еще... чтобы хоть разок спустился на землю и услышал: «Какие же они ту—пые!» и аплодисменты согласного зала!

Я жалею, что он ушел из жизни хоть и с надеждой, что его дети поумнеют, но с неуверенностью за эту надежду!

* * *

Выступление Михаила Задорнова на Хабаровском телевидении (2006г.):

- Благодаря отцу, я часто в жизни проявлял знания, которые неведомы были даже специалистам.

- Помню, как отец говорил мне, что китайцы живут по мудростям Конфуция, поэтому

учителя у них во все времена получали больше, чем военные. В этом залог могущества их нации, которое в первую очередь подтверждается деторождаемостью.

- Недавно я был в Китае и очень удивил гида вопросом: «Сколько получает профессор и сколько – генерал?» Гид отметил, что никто из русских никогда такого не спрашивал. Я ответил, что читал Конфуция и мне очень интересно, как получилось, что за пять тысячелетий все империи развалились, а Китай сохранился. И гид сказал, что действительно, до сих пор их учителя получают больше военных. Что и требовалось доказать. Потому-то страна и не развалилась, а еще весь мир завалила своей продукцией. И если так пойдет дальше, то и «Шатлы» для американцев будут скоро собираться по американским лекалам, но в Китае.

* * *

Из выступления Михаила Задорнова на телевидении в г.Владивостоке(1993г):

- Я часто думаю о родителях отца. Как они могли его таким воспитать? Ведь революция была, разруха... Его мать была учительницей, отец – ветеринар из Читы. Мой прадед был священником. Говорили, что я даже на него похож. (Может, действительно мне от деда передалось желание проповедовать, только помноженное на чувство юмора? Вряд ли дед в церкви читал проповеди с репризами.) Более дальних корней отец не знал

* * *

Из выступления Михаила Задорнова на телевидении в г.Хабаровске 2006г.:

Я недавно задумался, почему мне так ненавистно слово «гламур». «Гламурные девушки», «гламурные передачи», «гламурные рестораны»... Понял я это после того, как одна из молодых светских москвичек спросила меня: не сын ли я того известного писателя, который написал любимый роман её бабушки «Гламур-батюшка»?

ИЗ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ЗАДОРНОВА. (ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЛОВАРЬ СССР):

После войны Секретарь Союза писателей СССР А.Фадеев предложил молодому писателю Н.Задорнову поехать в Латвию для укрепления дружбы с латышскими писателями. Николай Задорнов согласился переехать на запад страны, где, по его словам, в архивах он мог изучать историю, дипломатию, морское дело... — все, что было необходимо для написания задуманных романов.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА В ЛАТВИИ. (1993г.)

Латышские писатели уважали отца за то, что он не хотел вступать в партию, за то, что не стал секретарем Союза писателей, за то, что никогда не ввязывался в политические интриги. В свою очередь отец возил их на Дальний Восток, показывал им тайгу, Амур, душевных сибиряков... Ему верилось, что в жизни люди такие же, как герои его романов, с достоинством, и что у людей культурных национальной вражды быть не может. Он всегда хвастался своей дружбой с латышами.

Из автобиографии Николая Задорнова

Почти все латышские писатели были солдатами и офицерами Латышской стрелковой дивизии во время войны. Их интерес к своей новой огромной Родине был велик. Они приняли меня как товарища, и за годы жизни в Латвии я видел от своих новых друзей много хорошего. Впоследствии я сдружился и с молодым поколением латышских писателей и даже

организовал их месячное путешествие по Дальнему Востоку, взяв на себя роль гида, хотя и годился им в отцы.

* * *

Я часто думаю, почему отец так быстро и неожиданно ушел из жизни? Скорее всего, у него произошло полное крушение всех идеалов. Особенно тех, которые сформировались у него в Латвии. Едва поменялись времена, как латышские писатели от него отвернулись. Забыли и о том, кто их переводил на русский язык, благодаря чему они получали неплохие гонорары, и о том, какие экскурсии в заповедные края устраивал для них отец... В свое время он помогал журналу «Даугава», а как только Латвия стала независимой страной, редакция журнала объявила его сумасшедшим. Кроме того, объявился хозяин того дома, где была наша квартира. Отец понимал, что рано или поздно нас выселят. Для его достоинства это было слишком. Организм начал сдавать, не желая жить в унижении. Для отца не было большего унижения, чем невозможность защитить Россию, когда ее оскорбляли. Он предчувствовал, что жизнь сотворит с его идеалами, и не хотел этого видеть.

* * *

Он тоже втайне верил в то, что Россия когда-нибудь оживет. Но когда понял, как она «оживает» под контролем диссидентов, эмигрантов и, как мы теперь говорим, «демократов», его организм просто не захотел в этом дальше существовать.

ЦИТАТА ИЗ ИНТЕРВЬЮ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА «АиФ» 1992г.

— Для меня Рига, Юрмала с ее пляжем всегда была той землей, которая давала мне силы. Сейчас я не люблю бывать в Латвии, и мечта моей мамы — уехать из Риги. Мой отец только что умер там. Несколько серьезнейших стрессов свели его в могилу. На нашу квартиру объявилось сразу трое хозяев, якобы живших там до сорокового года. Такое впечатление, что эти господа жили в коммунальной квартире. Но главное, мы как-то неожиданно стали чужими в этой стране и чужими друг другу.

* * *

В один из последних дней его жизни я прогуливал отца по его кабинету, где когда-то мы читали «Фрегат Палладу». Выходить на улицу у него уже не было сил. Он и гуляя в комнате держался за меня обеими руками. Я настежь открыл окна. Напротив зазеленел уже парк, в котором он любил гулять. В окно дышала наливающаяся полнокровием весна! Отец попросил подвести его к полке с его книгами. Долго смотрел на них, потом сказал мне: «Этих людей я любил!» Я понял, что он говорит о героях своих романов. Он попрощался с ними. Это были практически последние слова, которые я от него слышал.

Видимо, о реальных людях, окружавших его в жизни, ему вспоминать не хотелось...

Из автобиографии Николая Задорнова, написанной в последние годы его жизни.

Конечно, я мог бы принести больше пользы делу дружбы и с Китаем, и с Японией!

ИЗ СТАТЬИ ПИСАТЕЛЯ Г.В.ГУЗЕНКО (1999 г.):

«За такие книги, которые написал Николай Задорнов, писателю необходимо на берегу Амура поставить памятник!»

ОТ АМУРА ДО ДАУГАВЫ

Из статьи о писателе Н.П.Задорнове, напечатанной в одном из журналов на Дальнем Востоке:

К 90-летию Николая Павловича Задорнова (1909 – 1992 гг.) в Хабаровске над Амуром-батюшкой установили памятник писателю.

В память о писателе, который много сделал для Дальнего Востока, власти города Хабаровска выделили красивое место для памятника на берегу Амура, там, где Николай Задорнов любил бывать. Его сын Михаил – известный сатирик – рассказал, что именно в этом месте в 66-ом году, он впервые со своим отцом вышел на берег Амура и искупался в нем. Теперь на этом месте будет памятник Задорнову-старшему. Автор проекта — скульптор Владимир Бабуров – признался, что поначалу памятник у него не получался, поскольку он старался вылепить Задорнова-старшего, имея на руках только его фотографии. Но потом, познакомившись с Михаилом Задорновым, понял, что сын очень похож на отца, и некоторые детали отца вылепил с сына.

Памятник Николаю Задорнову стоит неподалеку от памятника Муравьеву-Амурскому. Великому сибирскому губернатору мы обязаны подписанием договора о границах с Китаем. При нём сбылась мечта великого русского мыслителя, и «Россия приросла Сибирью». Интересно, что деньги на памятник Муравьеву-Амурскому в начале 80-ых годов перечислял не только Задорнов-отец, но по его просьбе и его сын – уже к тому времени популярный сатирик.

Источник фото: <http://foto.mail.ru/mail/34746/12/28.html>

